

Глава 1

— Куда это ты сегодня в такую рань? — с трудом раскрывая длинные ресницы, сонным голосом пробормотала жена. — И меня разбудил, нехороший!

В ее голосе звучали притворные капризные нотки — как у маленькой избалованной девочки. Хохлова, зрелого солидного человека, это странным образом возбуждало, и жена об этом прекрасно знала, уловила эту его слабость с лету и с тех пор частенько применяла этот невинный прием. Это была их игра, которая никак им не надоедала, хотя женаты они были уже больше года.

Вот и сейчас Хохлов едва удержался от соблазна отреагировать на эту призывно-капризную нотку, не стал нырять обратно в теплую супружескую постель, не отдался порыву страсти, которую так легко пробуждала в нем молодая жена. Ему и в самом деле было некогда. Любовь — это прекрас-

но, но чтобы иметь на нее право, следовало вкалывать не покладая рук.

— У меня сегодня с утра сеанс, дорогая! — нежным голосом пропел он, направляясь в ванную. — Прокопов сменил распорядок дня. Он, видишь ли, не успевает зарабатывать свои миллионы, времени катастрофически не хватает. Спит, по-моему, уже, как Наполеон, по два часа в сутки. Вот и сеанс мануальной терапии перенес на 6.30. Пытался переубедить его, но ведь он как камень... А ты не волнуйся, спи, я больше не стану тебе мешать...

— Я сплю, — мирно отозвалась жена и действительно мгновенно заснула.

Хохлов с порога спальни еще раз полюбовался соблазнительными очертаниями молодого женского тела под тонким атласным одеялом, покачал почему-то головой и вздохнул. Но уютные сладкие мысли в его голове уже вытеснялись другими, четкими и деловыми — планами на ближайшие часы жизни. Прежде всего, конечно, внешний вид. Он должен выглядеть предельно респектабельно, но без излишнего лоска. Все-таки он врачеватель, а в глазах страждущего человечества врач не должен выглядеть баловнем судьбы.

Сам Хохлов себя баловнем судьбы не считал, хотя в жизни ему удавалось многое,

и жаловаться было грех. К сорока годам он стал крупным специалистом в своей области, одним из первых, кто поднял престиж мануальной терапии так высоко, что за прикосновение его ловких рук состоятельные люди с охотой начали платить, и платить много. Хохлову удалось обойти конкурентов, вырваться из цепких лап ненасытного государства и уйти на вольные хлеба. Видимо, у него был настоящий талант, потому что слухи о его мастерстве распространились среди потенциальной клиентуры, как лесной пожар, многие считали его настоящим волшебником. Связи его ширились, он пользовал многих сильных мира сего и, не стесняясь, обращался к ним в трудную минуту. Ему охотно помогали, потому что он тоже помогал. Все это позволило Хохлову обзавестись собственным кабинетом в центре Москвы, нанять помощников и вообще — наладить жизнь. Он узнал вкус хороших вин, научился делать покупки в дорогих магазинах, привык к комфортабельным автомобилям. Наконец, он женился на женщине в два раза моложе, писаной красавице, и она, кажется, испытывала к нему самые серьезные чувства. Ну или, по крайней мере, очень искренне эти чувства имитировала, что было почти одно и то же в наше ненадежное время.

Впрочем, и до женитьбы Хохлов не мог пожаловаться на отсутствие внимания красивых женщин. Он и сам был вполне хорош собою, атлетически сложен, умел одеваться, держался всегда уверенно, а со слабым полом и слегка иронично, в общем, производил впечатление надежного и интересного мужика. По этой причине и в отношениях с первой женой наметился раскол. Нет, причин на самом деле было много. Обжитой мирок, угасшие чувства — рамки привычного уюта стали слишком тесны Хохлову. Он чувствовал, что находится на пути в какой-то удивительный сверкающий мир, где открываются грандиозные возможности. Ему мерещилась собственная клиника из полированного мрамора и зеркального стекла, международные контакты, пациенты-миллионеры, какие-то дальние перелеты в белоснежных «Боингах»... В той новой жизни Хохлов не видел свою Софью Андреевну, неяркую, погрузневшую, погрязшую в мелочных заботах женщину. Наверное, дочь видел — дочь он очень любил и желал ей блестящего будущего, но, как ни странно, Аллу такое будущее не прельщало. Она категорически заняла сторону матери и пребывала с Хохловым в натянутых отношениях. Или, может быть, просто не верила в его возможности? Нынешняя

молодежь дьявольски расчетлива и за версту чует пустышку. Но он не был пустышкой, ни в коем случае. Хохлов верил, что стоит на пороге оглушительного успеха. Осталось потерпеть совсем немного, и он перейдет в новое качество. Но вот дел было у него по горло. Ведь он еще и диссертацию готовил — в его профессии без ученых степеней подвизаются только самозванцы. В кабинете на стене обязательно должны висеть дипломы в рамочках, много-много дипломов, с гербами и печатями — это тоже своего рода капитал.

Пациентов Хохлов, как правило, принимал в своем лечебном кабинете, который гордо именовал центром мануальной терапии — в конце концов, это был задел мечты, ее краеугольный камень, на котором впоследствии должен был вырасти настоящий центр, с просторными помещениями, аппаратурой, соответствующим штатом — все это будет, если есть мечта и есть задел. А он был.

Некоторых клиентов, особо важных, Хохлов посещал сам. Таких, например, как банкир Прокопов. Этот мог позволить себе оборудовать кабинет мануальной терапии на дому — выбираться к Хохлову ему некогда. Даже во время сеанса над ухом у него беспрерывно трещал телефон. Правда, на

звонки в это время отвечал референт, художочный и бесстрастный, точно кукла, вылепленная из белой глины. У Прокопова образ жизни сидячий, позвоночник никудышный, доставлявший ему до встречи с Хохловым невыразимые страдания.

Люди, которые в силу своей молодости или завидной наследственности с подобными проблемами не сталкивались, не в состоянии понять, как отравляют жизнь эти невидимые глазу изменения в позвоночном столбе, эти костенеющие, теряющие подвижность сочленения! Каждое движение становится настоящей пыткой, от боли перехватывает дыхание, а тело делается неуклюжим, как старомодный комод на пузатых ножках. Большой позвоночник может убить любую мечту, сбить с ног любого энтузиаста — так считал Хохлов. К счастью, у него самого с этим делом проблем не было, но он видел, как страдают пациенты, и был уверен, что понимает их лучше, чем кто бы то ни было.

Взять того же Прокопова. Хохлову редко приходилось встречать в жизни столь энергичных людей. Прокопов постоянно был заряжен на покорение каких-то вершин: финансовые пирамиды, суперпроекты, благотворительность, осуществлявшаяся с

■ большим размахом, политика — всего не пе-

речислить. На личную жизнь, как ни странно, тоже оставались силы. Прокопов обожал морские купания, возню со штангой и драгоценные камни, особенно изумруды, собрал даже приличную коллекцию.

В изумрудах Хохлов большой беды не видел, морские купания даже рекомендовал, а вот штангу запретил категорически и был в душе горд, что может диктовать что-то такому могущественному человеку.

И надо сказать, что после знакомства с Хохловым Прокопов будто заново родился. Правда, он нуждался в постоянной поддерживающей терапии, и приходилось повторять сеансы, но так, по мнению Хохлова, было даже справедливо — связь с Прокоповым терять очень не хотелось. Их отношения быстро перешли грань формальных: заказчик — клиент. Прокопов относился к своему врачу очень тепло, называл его «спасителем» и «чудотворцем», частенько оставлял ужинать, угощал виски и даже грозился показать коллекцию драгоценных камней, что было у Прокопова признаком особенного расположения к человеку. Правда, времени на это все никак не находилось. Хохлов не особенно переживал по этому поводу — к драгоценностям он был равнодушен, но непременно собирался напомнить банкиру о его обещании. Человеческая бли-

зость — вот истинная драгоценность, и уж ее-то Хохлов не хотел упускать ни в коем случае.

На утренний туалет и завтрак у Хохлова ушло совсем немного времени. Человек он был собранный и рациональный. И завтрак совсем легкий — негоже заниматься физической работой с полным желудком. А профессия Дмитрия Викторовича Хохлова требовала не одних умственных усилий, это настоящая мужская работа. Было в ней что-то схожее с профессией скульптора — своими руками Дмитрий Викторович лепил человеку новое крепкое тело взамен износившегося. Действительно, в некотором роде чудо.

Машину свою, «Форд» предпоследней модели, Дмитрий Викторович оставлял на платной стоянке в двух шагах от дома. Была у него слабость к американским машинам, которой он и сам не мог объяснить. И, что бы там ни говорили о надежности и оснащенности японских и европейских машин, Хохлов почему-то всегда останавливался на американской модели. Должно быть, с юности отложилось в памяти, что Америка — страна, где люди живут на колесах, а значит, понимают в этом толк.

При машинах дежурили молодые рабочие парни с тяжелыми, как утюги, челю-

стями. Их позвоночники были пока еще гибкими и надежными, а потому Хохлова они знать не знали и даже здоровались с ним не всегда. Дмитрий Викторович не любил подобную публику. Он никогда не мог понять молодых, полных сил людей, которые, вместо того чтобы переворачивать мир, строить карьеру или штурмовать вершины, занимались каким-нибудь непыльным бесперспективным делом — сторожили чужие машины, торчали за прилавком или мели улицы. Дмитрию Викторовичу подобный образ жизни казался притворством, маскировкой, за которой непременно должна была скрываться какая-то неприятная тайна. Потому и к сторожам на автостоянке он относился с легкой настороженностью. Впрочем, все машины у них всегда в абсолютном порядке.

Ехать Дмитрию Викторовичу нужно на Воробьевы горы. Прокопов предпочитал почему-то жить именно там, хотя с его возможностями запросто можно обосноваться где угодно. Правда, в своем корпусе Прокопов занимал целый этаж и жил совершенно обособленно. Еще у него имелся загородный дом, поместье, как он сам говорил с легкой иронией, но там Хохлов у него ни разу не был.

Над Москвой только начинало проре-

зываются утро, пробок на улицах пока не намечалось, воздух почти свеж и прохладен. На стеклах машины быстро подсыхала ночная испарина. Время у Хохлова рассчитано почти математически точно — через двадцать минут он должен уже оставить машину на площадке перед многоэтажным корпусом, через двадцать одну — доложить о себе охранникам при входе (личной охраны Прокопов дома не держал), а через двадцать две уже подниматься в лифте на девятый этаж, который Прокопов шутливо называл «своим девятым небом».

Хохлов любил вставать рано. В такие минуты Москва казалась особенно просторной, огромной и новой. Это было как путешествие в ином измерении. А пробок Дмитрий Викторович не любил, как и всякий нормальный человек.

Пробок с утра не было, политые водой улицы блистали, точно сталь, и «Форд» мчался по ним бодро и весело, но примерно с того момента, как Дмитрий Викторович выехал на Садовое кольцо, что-то произошло. Что-то мелкое, но неприятное, вроде камешка, попавшего в ботинок. Хохлов даже сразу не понял, что его беспокоит. Лишь трижды бросив рассеянный взгляд в ■ зеркало заднего вида, он вдруг сообразил,

что его уже давно преследует странного вида субъект на мотоцикле.

Это был человек неопределенного пола, затянутый в черную кожу, с яйцеобразным шлемом на голове — светонепроницаемый пластик отливал зловещим лиловым цветом. Мотоцикл современный, вытянутый и зализанный, как пуля, в красных и белых разводах. Этот мрачный тип, похожий на робота из какого-нибудь фантастического фильма, тащился за Дмитрием Викторовичем как приклеенный. Вообще-то это было глупо, но Хохлов встревожился. Мотоциклист старательно повторял его маршрут, все время держа примерно одну и ту же дистанцию.

— Что за дурдом? — пробормотал наконец Дмитрий Викторович, убеждаясь, что безликий преследователь сворачивает вслед за ним к Бородинскому мосту. — Какие-то дурацкие игры в шпионов, ей-богу! Что вообще у него на уме, черт побери?!

Дмитрий Викторович не был шпионом и никогда не занимался ничем криминальным. Его некому и незачем выслеживать. Однако беспокойство не отпускало. Он прекрасно понимал, в какое время живет. Человеческая жизнь мало чего стоила. Любого могли убить из-за автомобиля, из-за сотни долларов, да просто так, от скуки. Нет, бу-

дет правильно, если он отнесется к этому недоразумению серьезно. Береженого бог бережет.

Прямо за мостом Хохлов прижался к тротуару и затормозил возле сумрачного лейтенанта дорожно-патрульной службы, который посмотрел на него с нескрываемым неодобрением. Милиция не любит тех, кто убегает, но и тех, кто слишком доверчив, не любит тоже. К тому же, как оказалось, здесь ждали какой-то кортеж. Он вот-вот должен был проследовать, и лейтенант рассматривал Хохлова как помеху.

— Не останавливайтесь! Проезжайте! — отрывисто произнес он и подкрепил свое требование повелительным взмахом руки. — В чем дело?..

— Видите ли, — заговорил Хохлов, высовывая голову из окошка. — Как бы это сказать...

Он невольно обернулся и с двойственным чувством в душе увидел, как красно-белый мотоцикл, точно ласточка, скользнул мимо и быстро стал удаляться, пока совсем не исчез в перспективе улицы. Это было здорово, потому что все страхи оказались надуманными, и это было досадно, потому что Хохлов не знал, что теперь сказать милиционеру.

— Так в чем дело?! — нетерпеливо подстегнул его лейтенант. — У вас проблемы?

— Н-нет, простите, — пробормотал Хохлов. — Просто показалось. Ради бога, еще раз извините!..

— Показалось! Все им кажется!.. Мне почему-то ничего не кажется. Закусывать надо, вот что! — сурово отчитал его патрульный и уже сердито крикнул: — Проезжайте, здесь нельзя останавливаться!

Сконфуженный, Дмитрий Викторович поехал дальше. Он был не слишком доволен собой. Во-первых, ни с того ни с сего испугался какого-то пижона на модном мотоцикле. Во-вторых, полез делиться своими страхами с милиционером. В-третьих, вообще держался размазней, в его положении это недопустимо, он должен знать себе цену, а окружающим эта цена должна казаться еще выше.

Дмитрий Викторович покачал головой. Нервишки, что ли, начинают сдавать? Может быть, взять передышку и махнуть куда-нибудь с молодой женой? С ней он еще нигде не был. А разве в прежней жизни, с первой семьей, он где-нибудь был? Постоянно с головой в работе, постоянно решал какие-то неотложные дела, искал новые возможности, пытался отвоевать место под солнцем. Место он, положим, кое-какое отвое-

вал, а вот солнца толком так и не видел. Надо будет что-то предпринять в этом направлении, подумал он. Мимолетный страх уже ушел. Собственно, это был даже не страх, а просто дискомфорт. Полупустая улица, нервы и этот навязчивый мотоциклист. Черная фигура в маске, да еще с непроницаемым забралом, всегда кажется преисполненной таинственной угрозы, такова психология человека. Скоростной мотоцикл тоже символ. Психика — это такие дебри...

Хохлов повернул к набережной, посмотрел назад в зеркало и вздрогнул. За ним ехал мотоциклист. Только мотоцикл у этого был сплошь черный, как и сам гонщик. А вот шлем у этого белый, точно куриное яйцо. Впрочем, лица его Хохлов тоже не видел — лицо закрывала пластмасса. «Он сам-то хоть что-нибудь видит? — с неприязнью подумал Хохлов. — Вырядились! Может, у них слет сегодня? У этих, как их, у байкеров?»

Однако второй байкер в точности повторял все маневры первого. Он тоже катил по пятам за Хохловым, повторяя его маршрут в точности до сантиметра. Настроение у Дмитрия Викторовича опять испортилось.

Н. «Как хотите, а я ничего не понимаю! —
■ с раздражением подумал он. — Какого чер-

та они вьются вокруг меня, как мухи? Что это может значить? Я никому не должен, я не владею контрольным пакетом акций «Газпрома». Кому я понадобился? Или все-таки это совпадение?»

Совпадение или нет, но Дмитрий Викторович уже пожалел, что не пожаловался милиционеру на подозрительного мотоциклиста. Вот не пожаловался, и тут же появился второй. Неужели кто-то банально целится на его бумажник? Но почему так сложно, с применением технических средств? Да и здраво рассуждая, можно сделать единственный вывод — вся эта черная кожа, шлемы и рычащие чудовища, сверкающие лаком и хромом, стоят во много раз больше, чем содержимое его бумажника. Овчинка выделки не стоит, как говорится.

На набережной в этот час не было ни одного милиционера, поэтому этот вариант Дмитрием Викторовичем даже не рассматривался. Он просто резко сбавил скорость, чтобы окончательно выяснить намерения преследователя. Мотоциклист тоже притормозил и, как показалось Хохлову, вступил с кем-то в переговоры. Нет, конечно, видеть он этого не мог, но так Дмитрию Викторовичу показалось — что-то такое почудилось ему в напряженной, затянутой в кожу фигуре. При современной технике ■

присобачить микрофон и рацию в мотоциклетный шлем — раз плюнуть.

Дмитрий Викторович терзался сомнениями до самого финиша, куда его, точно эскорт, сопровождал неизвестный мотоциклист. Только когда Хохлов остановил машину на площадке около высоченного красавца-дома, его спутник демонстративно неторопливо прокатился мимо и исчез за поворотом.

Дмитрий Федорович облегченно вздохнул, взял свой чемоданчик, запер машину и направился к дому. Здесь он мог ничего не опасаться. Район был непростой, и шпана здесь не имела никаких шансов. Хохлов очень надеялся, что к тому времени, когда он закончит свои процедуры, дурацкие мотоциклисты найдут себе занятие поинтереснее, чем гоняться за ним по московским улицам.

Но, видимо, сегодняшней день действительно не задался. Когда Дмитрий Викторович доложил о своем прибытии, его попросили немного подождать, а потом из квартиры Прокопова спустился вниз его личный секретарь — Виталий Игнатьевич Савельев, мужчина лет сорока пяти, человек на редкость хладнокровный и выдержанный, в любую минуту готовый решать

■ любые проблемы. При этом понять, что у

него на уме, было совершенно невозможно. Не человек, а черный ящик. С прекрасными манерами.

Он тепло поздоровался с Хохловым, извинился и сообщил, что ввиду чрезвычайных обстоятельств господин Прокопов был вынужден выехать с утра в одно место и нынешний сеанс по этой причине отменяется.

— Вот незадача! — не удержался Хохлов. — Это крайне нежелательно — пропускать сеансы! К тому же я рассчитывал договориться сегодня с Александром Александровичем насчет рентгеновского обследования. Пора посмотреть его позвоночник. Очень досадно! Неужели никак нельзя было отложить? Что случилось? Банковский кризис?

— Ну что вы! — тонко улыбнулся Савельев. — Как-то уж вы чересчур мрачно... Банковская система в полном порядке. Просто возникли некоторые проблемы личного характера. Ничего экстраординарного, но необходимо присутствие самого Александра Александровича. А рентген и все прочее сделаем в следующий раз, не расстраивайтесь. Александр Александрович, кстати, заявил мне сегодня, что чувствует себя благодаря вашему искусству просто великолепно! Все о'кей, доктор! А сегодня

нышний визит можете смело включать в счет — все будет оплачено.

— Да я разве об этом?.. — махнул рукой Хохлов. — Когда же теперь мне явиться? Завтра утром?

— Пожалуй, послезавтра, — сочувственно, но твердо уточнил Савельев. — Завтра Александр Александрович может быть занят. Просто у нас нет пока точной информации. Поэтому давайте лучше ориентироваться на послезавтра. В это же время. А если будут какие-то коррективы, мы непременно с вами заранее свяжемся. Еще раз извините.

— Ну что же, тогда разрешите откланяться, — разочарованно сказал Хохлов. — Жаль. Но ничего не поделаешь.

От расстройства он совсем забыл о мрачных кожаных всадниках. Только садясь в машину, Дмитрий Викторович сообразил, что это они первыми испортили ему сегодня настроение. А дальше уже бутерброд полетел, как водится, маслом вниз. Собственно, ничего страшного не произошло, но Дмитрий Викторович не любил даже малейших отклонений от намеченного плана. Мелкие сбои его раздражали.

Выезжая с автостоянки, он постарался думать о чем-то приятном — о молодой жене, о солнечном утре, которое разгоралось

над Москвой, о чашке ароматного кофе, который он выпьет перед тем, как начать прием других, менее высокопоставленных, но также весьма серьезных пациентов. И это ему удалось. Бородинский мост Дмитрий Викторович пересек уже в отличном настроении. И только на углу Смоленского бульвара и Нового Арбата, когда он автоматически посмотрел в зеркало, сердце его екнуло — в потоке машин, тянувшемся за его «Фордом», Хохлов увидел черного мотоциклиста на красно-белом мотоцикле.

Глава 2

Полковник Гуров любил делать все собственными руками. Он хорошо понимал, что такая позиция не всегда конструктивна, а порой даже сомнительна, но характер — это судьба, любил повторять он. Его друг и напарник полковник Крячко, весельчак и отчаянная голова, в ответ только понимающе хмыкал, а начальник Главного управления МВД генерал Орлов стучал кулаком по столу и ругался, обзывая упрямую парочку авантюристами и махновцами. Впрочем, эти громы и молнии редко выходили за пределы его генеральского кабинета, потому что с Гуровым и Крячко его связывали не только служебные, но и

долгие товарищеские отношения, а в глубине души он, пожалуй, просто любил их, как собственных братьев. Тем более что Гурову, как правило, везло.

Уверен был он, что повезет ему и сегодня. А дело достаточно серьезное. Вместе с Крячко они намеревались взять сегодня опасного преступника по кличке Статист. На самом деле этот человек являлся в своей области деятельности далеко не статистом — он был индивидуальностью самобытной. Здесь просто имела место путаница понятий, и солидный термин «статистик» в простонародье заменился словом «статист», не имевшим к науке статистике никакого отношения. Преступник, за которым охотился Гуров, тоже не имел никакого отношения к статистике, если только не принимать во внимание печальную статистику преступлений, но собирателем статистических данных представлялся довольно часто. А еще он бывал чиновником из Комитета по делам ветеранов, инспектором Министерства социальной защиты, представителем разных благотворительных фондов. Карманы у него были набиты удостоверениями, фирменными бланками, сертификатами и прочей макулатурой, очень похожей на настоящую. Статист подделывал даже такие бумаги, которые подделать не

проще, чем американский доллар. Гуров подозревал, что этот тип имеет знакомства в определенных кругах и, соответственно, доступ к документам и базе данных. Он выискивал в Москве и области ветеранов войны и труда, заслуженных, ушедших на покой в чинах и с хорошей пенсией. Обманом проникал в их дома, плел доверчивым старикам про новые несуществующие инициативы правительства, обещал золотые горы, быстро становился едва ли не первым другом, а потом уходил, унося с собой ордена, ценные вещи и деньги. Мерзавец, по свидетельствам потерпевших, отличался великолепными манерами, выглядел солидно и положительно. Старики, которым на склоне лет так не хватало человеческого тепла, покупались на сладкие речи Статиста, а про его истинную сущность узнавали, лишь став жертвами...

Но это еще полбеды. У Статиста имелась одна личина, которую он обнаруживал не слишком часто... Два или три раза обманутые им старики спохватывались и пытались поднять тревогу. С ними Статист справлялся мгновенно и безжалостно. Поэтому Гуров испытывал к нему особую ненависть, какую нечасто испытывал даже к преступникам. Все-таки его профессия предполагала более отстраненную позицию, ■

он был служителем закона, его инструментом и не должен был приносить в свои действия ничего личного. Но Гуров считал, что со Статистом у него личные счеты. Слишком долго этому негодяю удавалось уходить от расплаты. Он был дьявольски осторожен, действовал всегда в одиночку, никому не доверяясь, и очень выборочно контактировал с представителями криминального мира. Что называется, волк-одиночка.

Но на этот раз Гуров рассчитывал на удачу. Им с Крячко удалось получить информацию от осведомителя, что Статист в последнее время очень интересовался неким Бороденко Петром Сергеевичем, одиноко проживавшим в трехкомнатной квартире в районе «Аэропорта». Бороденко в былые годы работал в секретном конструкторском бюро — разрабатывал новые виды авиационного топлива. Должность занимал немалую, был неоднократно награжден правительственными наградами, материально ни в чем не нуждался, к тому же после смерти жены, дочери прославленного маршала, ему досталось приличное наследство. И вот на покой этого престарелого, много испытавшего на своем веку человека решил покуситься алчный и беспринципный Статист. Как ни странно, вышел он на ■ Бороденко через преступный мир. А дело

было в том, что у Петра Сергеевича имелся племянник, типичная «паршивая овца», с малых лет тянувшийся к уголовной романтике. К тридцати годам он ее вполне удовлетворил и стал своим в воровском мире. Однако своего заслуженного дядю он уважал и побаивался. Мыслей покуситься на его богатство у него никогда не возникало. Просто он похвастался своими родственными связями в одной сомнительной компании, и это услышал Статист. Вряд ли он ставил кого-нибудь в известность о своих планах, но по счастливой случайности в тот день и в той компании оказался один сметливый человек, оказывавший Гурову услуги по части закрытой информации. Именно он подкинул Гурову мысль о Бороденко.

За домом бывшего конструктора установили наблюдение, и наконец поступило сообщение, что в районе «Аэропорта» появился человек, похожий на Статиста. Он подъехал на хорошей машине, одетый с иголки, в руке — солидный кейс с секретным замком. Подозрение он вызвал тем, что долго крутился вокруг дома, где проживал Бороденко, выяснял обстановку, расспрашивал о чем-то прохожих. Затем, усевшись в машину, провел там почти весь день — как предполагали оперативники, ■

изучал распорядок дня Бороденко. К вечеру он уехал. На следующее утро Гуров решил устроить в квартире бывшего конструктора засаду.

С Бороденко предварительно созвонились, объяснили в общих словах ситуацию, попросили не открывать дверь незнакомым. Сами явились накануне вечером, когда Бороденко уже готовился ложиться спать. Он долго проверял через цепочку красное удостоверение, придирчиво вглядывался в лица.

— Сами звонили, чтобы не открывал, а сами приволоклись в такой час! — ворчал Петр Сергеевич, сличая фотографии с оригиналами. — А где гарантия, что вы и не есть тот самый? Нет такой гарантии! Но меня на мякине не проведешь! Я, господа хорошие, в суровые времена жил и жив остался! Вам такое и не снилось, что я на своем веку повидал!

— Ну это положим! — обиделся Крячко. — Нам много чего снилось, между прочим! Вот вчера только такое во сне привиделось — просто удивляюсь, как меня инфаркт во сне не хватил! Фильм «Чужой» видели? Так я с этим чужим...

— А я шуток не люблю, молодой человек! — холодным тоном перебил его Бороденко, возвращая документы. — Особенно

когда моей жизни угрожает опасность. Понимаю, что вам это безразлично, но все же попрошу воздержаться в дальнейшем...

— Вот тут вы не правы, — покачал головой Гуров. — Мы потому и здесь, Петр Сергеевич, что ваша безопасность нам далеко не безразлична. А шутки у нас — обычное дело. Снимаем накопившийся стресс, вы уж простите...

— Я вам не судья, — пробурчал старик, откидывая дверную цепочку. — У вас свои обычаи, у меня свои... Проходите! Только туфли сразу снимайте — у меня домработниц нету!

Петр Сергеевич проводил их на кухню и предложил чаю. За чаем обговорили план возможных действий.

— Он тянуть не будет, — уверенно заявил Гуров. — Вся нужная информация у него имеется, а действовать он привык быстро. Никто еще ничего не понял, а наш мародер уже далеко... Но на этот раз мы ему копыта поотрываем. Обычно он по утрам ходит. Утром люди менее опасливы, да и соседи в основном на работе. Действует он в одиночку, никому не доверяет. Так что возьмем мы его без труда, думаю. Единственная заковыка — придется вам с ним немного пообщаться, Петр Сергеевич. Сможете?